

10. Болотнова Н.С. Гармонизация общения и теория регулятивности художественного текста // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и О.А. Михайлова. Екатеринбург, 2004.
11. Болотнова Н.С. Регулятивная стратегия художественного текста и ее виды // Текст: семантика, форма, функция: Мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. (6–7 окт. 2004 г.). / Отв. ред С.В. Пискунова. Тамбов, 2004.
12. Петрова Н.Г. Типы лексических регулятивных структур в поэзии К. Бальмонта // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Вып. 6. Сер.: Гуманитарные науки (филология). Томск, 1998.
13. Петрова Н.Г. Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К. Бальмонта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000.
14. Тюкова И.Н. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б.Л. Пастернака (на материале книги «Сестра моя – жизнь»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2004.
15. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
16. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
17. Болотнова Н.С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. ст. в честь проф. С.Г. Ильенко / РГПУ им. А.И. Герцена, филол. ф-т СПбГУ. СПб., 1998.
18. Пушкарева И.А. Смысловые лексические парадигмы в лирике М.И. Цветаевой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 1999.
19. Карпенко С.М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н.С. Гумилева): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000.
20. Васильева А.А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О.Э. Мандельштама: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
21. Бабенко И.И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М.И. Цветаевой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.
22. Орлова О.В. Особенности межтекстового ассоциативно-смыслового поля концепта «язык» в поэзии И. Бродского // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001.
23. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста: Учеб. для вузов. М., Екатеринбург, 2004.
24. Орлова О.В. Коммуникативные аспекты лексической репрезентации концепта язык в лирике И. Бродского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
25. Болотнова Н.С., Васильева А.А. Ассоциативная структура поэтических текстов в творчестве О.Э. Мандельштама // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001.
26. Болотнова Н.С. Поэтический текст как форма репрезентации гиперконцепта // Язык и общество в синхронии и диахронии: Мат-лы Всерос. научн. конф., посвящ. 90-летию Л.И. Баранниковой (15–17 ноября 2005 г.). Саратов, 2005.

С.М. Карпенко

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭТИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ Н.С. ГУМИЛЁВА: ОСНОВНЫЕ БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ

Томский государственный педагогический университет

Изучению пространства как формы конструирования мира в сознании человека посвящены работы Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, В.Н. Топорова, Е.С. Яковлевой и др. Одной из актуальных является проблема выявления особенностей репрезентации пространства в картине мира поэтов и писателей [1]. Обращение исследователей к изучению картины мира автора является закономерным в свете антропоцентризма современного научного знания.

Как универсальная категория бытия пространство – важная составляющая мировидения автора. Являясь объектом пространства, осуществляя в нем жизнедеятельность, поэт в то же время творит свои миры, выстраивает особую систему координат, отраженную в поэтической картине мира. И как творец

собственной вселенной, автор выступает субъектом пространства. Об отношениях человека и пространственного образа мира писал Ю.М. Лотман, отмечая их взаимовлияние: «с одной стороны, образ этот создается человеком, с другой – он активно формирует погруженного в него человека» [2, с. 335].

В задачи данной статьи входит выявление особенностей моделирования пространства в поэтической картине мира Н.С. Гумилёва. Исходя из тезиса о взаимовлиянии пространства, репрезентированного в текстах, и авторского мировидения, отчасти под его влиянием формируемого, попытаемся определить параметры и связи внешнего и внутреннего пространства, отраженного в стихотворениях разных поэтических сборников.

В толковом словаре русского языка пространство определяется как «неограниченная протяженность (во всех измерениях, направлениях)», при этом подчеркивается объективность как характеристика реального, физического мира: это – одна из «объективных форм существования материи» [3, т. 3, с. 528]. Но в русской языковой картине мира представлена еще и такая семантическая составляющая данной лексемы, как протяженность внутреннего мира (ср. сочетания *пространство души, пространство внутреннего мира*). Считаем, что пространство, как «состоянье или свойство всего, что простирается, занимает место, самое место это, простор, даль, ширь и глубь...» [4, с. 515], является характеристикой внешнего и внутреннего бытия человека. Внешнее пространство, в котором человек находится, определяется географическими координатами. Не вызывает сомнения то, что внутреннее пространство также имеет свои параметры. Какова протяженность и локализация внешних (географических) и внутренних (духовных) ориентиров художника слова? Вероятно, от этого зависит и масштаб личности творца, и сила его дарования.

В поэтическом творчестве Н.С. Гумилёва пространство представлено рядом бинарных оппозиций. Характер их репрезентации в разных поэтических сборниках различен. В художественном мире поэта фокусируются пространство внешнее (географическое, локальное) и внутреннее (пространство души, духа). Бинарные оппозиции внешнего пространства: *земля – небо, высоты – бездны, рай – ад*. Внутреннее пространство представлено оппозициями: *бог – дьявол, добро – зло*. Внешнее (географическое) и внутреннее (духовное) пространства соединяют оппозиции: *душа – тело, вечность – мир*.

внутреннее	–	внешнее
душа	–	тело
бог – дьявол		высоты – бездны
добро – зло		земля – небо
		рай – ад
вечность	–	мир

Предметом нашего внимания в данной работе являются оппозиции: *высоты – бездны, земля – небо*, репрезентирующие одно из универсальных семантических противопоставлений *верх – низ* и формирующие анализируемую категорию в стихотворениях Н. Гумилёва из разных поэтических сборников. Анализ компонентов указанных оппозиций осуществлялся на основе моделирования межтекст-

товых ассоциативно-смысловых полей, позволяющих выявить группы ассоциатов, объединенных общностью семантических признаков и связанных с актуализацией значимых для автора текстовых смыслов (о принципах моделирования текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей см. работы Н.С. Болотновой, С.М. Карпенко, А.А. Васильевой и др.).

В сборниках поэта «Путь конквистадоров» и «Романтические цветы», относящихся к романтическому периоду творчества, оппозиция *высоты – бездны* представлена наиболее полно, о чем свидетельствует, во-первых, частотность употребления данных лексем и их репрезентантов в стихотворениях (например, в сборнике «Путь конквистадоров» лексема *высота* употребляется 10 раз, *высокий* – 7, *высь* – 3 раза); во-вторых, объединение ряда стихотворений в цикл «Высоты и бездны».

Являясь пространственной характеристикой инобытия в поэзии Н. Гумилёва, оппозиция *высоты – бездны* в религиозной картине мира символизирует границы рая и ада. На вертикальной оси мироустройства соответственно мифологическим представлениям *высоты* ассоциируются с горными вершинами (в греческой мифологии – гора Олимп), считавшимися местом пребывания богов, а *бездны* – с подземным миром. Ассоциатами на стимул *высоты* в стихотворениях поэта являются атрибутивные характеристики *горные* («Иногда я бываю печален...»), *совершенные* («На мотивы Грига»), парафраз *безмирная красота* («Осенняя песня»). С высот спускается *дивный странник*, там *кроют мраморные гроты / Огнём увенчанных людей* («Рассказ девушки»). Атрибуты бездны – пещеры: *Я увидел бездонность подземных пещер* («Пять могучих коней мне дарил Люцифер...»), глубины: *Бездонной радостью глубин* («Дева Солнца»), впадины: *И страшны лики тёмных впадин* («Рассказ девушки»). При движении вверх по вертикальной оси даже границы мира ассоциируются у поэта с бездной, с нижним ярусом мироустройства: *Когда из тёмной бездны жизни / Мой гордый дух летел, прозрев, ... // И я из светлого эфира, / припомнив радости свои, / Опять вернулся в грани мира / На зов тоскующей любви* («Когда из тёмной бездны жизни...»). Но для подобного восприятия бытия необходимо духовное прозрение, о чем поэт упоминает неоднократно. Так, в стихотворении «Вечное» он пишет: *О день, когда я буду зрячим / И странно знающим, спеши! // Я душу обрету иную, / Всё, что дразнило, уловя. // Благословлю я золотую / Дорогу к солнцу от червя*. Следует отметить, что темы путешествия и духовных исканий являются значимыми в творчестве поэта [5, 6]. О лирическом герое Гумилёва – конквистадоре писали многие исследователи (см., например, работы А. Павловского,

Ю.В. Зобнина, В.А. Шошина и др.). В воспоминаниях современников отмечено увлечение Гумилёва оккультными науками, что также свидетельствует о его духовных исканиях [5]. Но о попытках богоискания Гумилёва сказано мало. Вместе с тем в его поэзии отражены ростки пробуждающейся религиозности. Думается, что всякий крупный художник немислим без приобщения к религии или без осмысления своего места в контексте культуры в религиозно-нравственном аспекте. И противоречивость семантики синтагматических текстовых ассоциатов на стимул *жизнь: бездна* жизни (см. выше) – *жизнь бездонная (И с сердцем, открытым для жизни бездонной («Видение»))* является отражением противопоставления внешнего по отношению к человеку мира, объектом которого он является, и внутреннего бытия его души.

Таким образом, высоты и бездны – это и параметры внутреннего мира человека. Именно в области духовного пространства, постоянно делая выбор, реализуя свой потенциал в мире, человек устремляется по вертикальной оси (*Я на выси сознанья направил свой бег («Пять могучих коней мне дарил Люцифер...»)*) либо к Богу, либо к дьяволу. На связь географического (локального) и этического элементов указывал Ю.М. Лотман. Анализируя репрезентацию географического пространства в средневековых текстах, автор отмечал, что «изменение нравственного статуса для средневекового сознания Древней Руси означало перемещение в пространстве – *переход* из одной локальной ситуации в другую» [2, с. 301]. Отметим, что и уход на войну (как известно, Гумилёв добровольно участвовал в гражданской войне 1914 г.) может рассматриваться как пространственное перемещение и, соответственно, как подспудное стремление расширить координаты внутреннего пространства. Вспомним, что и уход в монастырь в русской традиции являлся следствием разрыва с грехом, стремлением к покаянию и молитвенному единению с Господом. Ю.М. Лотман, анализируя понятие географического пространства в русских средневековых текстах, писал: «...длительное путешествие увеличивает святость человека. Одновременно стремление к святости подразумевает необходимость отказаться от осёдлой жизни и отправиться в путь» [2, с. 299]. Исследователь отмечает, что сюжет о перемещении в географическом пространстве воспринимался и в масонской литературе XVIII в. как аллегория нравственного возрождения [там же].

Отражением пространства внутреннего мира являются, как и в узусе, глаза (ср.: *Глаза – зеркало души*): «*Что ты видишь во взоре моём? // Я в нём вижу глубокое море / С потонувшим большим кораблём*» («Что ты видишь во взоре моём...»).

Уже в первых сборниках поэт определяет ту роль слова, о которой позднее напишет в одном из программных стихотворений сборника «Огненный столп». В стихотворении «Пророки» ассоциат *власть* на стимул *слово* актуализирует значение «могущество, сила»: «*Их давит власть бездонных слов*». Слово может изменять пространство. Таким образом, ему придается иррационально-магическая сила, благодаря которой оно является средством моделирования мира. Будучи божественным по происхождению и способным останавливать солнце и разрушать города, слово принадлежит к атрибутам верхнего яруса вертикали: «*Если точно розовое пламя, / Слово проплывало в вышине*» («Слово», сборник «Огненный столп»).

В сборнике «Жемчуга» представлено пространство ирреальное, пространство потустороннего бытия нижнего яруса мировой оси. Репрезентантами изображаемого мира являются: *ночные топи* («Одержимый»), *чернеющий Эреб, поля лазоревой страны* («В пустыне»), *дно мирового колодца* («Выбор»), *ночное дно, смертные чащи, поля неведомой страны* («Товарищ»). В соотнесённости реального физического пространства с днём, ирреального, потустороннего – с ночью отражается связь времени и пространства: *Страшна борьба меж днём и ночью* («Поединок»), причём время приобретает пространственные характеристики: *В великолепье ночи дивной* («В библиотеке»). Взаимообусловленность пространства и времени отражена и в стихотворениях «Заблудившийся трамвай» (сборник «Огненный столп»): «*Он заблудился в бездне времён...*», «Стокгольм» (сборник «Костёр»): *И понял, что я заблудился навеки / В слепых переходах пространств и времён*.

Средствами локализации географического пространства являются моря, озера, реки, горы, пустыни: *зелёные воды Евфрата, лесные чащи, овраги, сумрачные озёра, водные степи, скалы* и т.д. Поэт часто прибегает к парафразам, узуальным и индивидуально-авторским: море – *водная степь*, лес – *зелёный храм, зелёная сеть*, к метафорам: *на изумрудах Нила*, олицетворению: *К нам склонилась земля, как союзник и друг*. Разнообразие географических наименований представлено в сборнике «Шатер», явившемся итогом путешествий по Африке. Встречи с людьми иной культуры, иного мировосприятия, с иной природой отражены в стихотворениях «Египет», «Сахара», «Суэцкий канал», «Мадагаскар», «Замбези» и др. Путешествия, предпринимаемые поэтом, отчасти обусловлены тягой к непознанному. Лирический герой его стихотворений постоянно находится в пути, осваивая все новые пространства. Недаром Гумилёва называют поэтом-конкистадором, поэтом-странником.

Оппозиция *земля – небо* представлена в стихотворениях Гумилёва в основном с традиционным семан-

тическим наполнением: земля – «суша, земная твердь» [3, т. 1, с. 608], небо – «видимое над Землёй воздушное пространство» [3, т. 2, с. 422]. Земля – место обитания одушевленных существ: «И на землю её не вернут / Утомлённые белые крылья» («Воспоминание»). Часто земля персонифицируется, выступает как одушевленный объект: «Я знаю, что много чудесного видит земля» («Жираф»), «А земля говорит, поёт» («Снова море»). Человек по отношению к Земле выступает и как властитель: *И беспомощный и жалкий / Стал властителем земли* («Сказка о королях»), и как раб: *Издавна люди говорили, / Что все они рабы земли* («Людям будущего»). Небо – место обитания высших сил: *духи неба* («Рассказ девушки»), *В небесах говорят серафимы* («Вступление»). Человек показан в своём устремлении к небесам: *Подъёмлет к небу взор лазурный* («Пророки»), *...и к небу возводит свой взор* («Сон Адама»). Синтагматические ассоциаты: *синее, золотое от лучей, бесконечно голубое, дымное, холодное, ночное, тёмное* – не являются индивидуально-авторскими.

Основной, концептуально значимой в организации художественного пространства поэтической картины мира Н. Гумилёва, таким образом, можно считать оппозицию *высоты – бездны*.

Организация пространства, место человека в пространственной системе координат – одна из со-

ставляющих картины мира как основы жизнедеятельности человека. Картина мира осуществляет интерпретативную и регулятивную функции [7]. Репрезентация в поэтических текстах пространства как универсального понятия модели мира, с одной стороны, является отражением видения картины мира автора, с другой – реализует регулятивную функцию, служит ориентиром для читателя и для самого автора в окружающей действительности. Художественное пространство авторских текстов – выражение философско-этической концепции поэта, его индивидуально-авторского осмысления бытия и своего места в нем. В поэзии Н. Гумилёва пространство представлено через универсальное противопоставление *верх – низ*, свойственное модели мира разных культур, и реализуется посредством бинарных оппозиций внешнего и внутреннего мира. Основной является оппозиция *высоты – бездны*, являющаяся характеристикой как внешнего, так и внутреннего мира. Но в области внутреннего, духовного пространства высота ассоциируется со стремлением к Богу, пребывание в нижних ярусах вертикали приближает к дьяволу. О приоритете внутреннего пространства свидетельствуют и строки стихотворения «Сады моей души всегда узорны...»: *Я не смотрю на мир бегущих линий, / Мои мечты лишь вечному покорны*.

Литература

1. Картина мира: модели, методы, концепты: Мат-лы Всерос. междисциплинар. школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (1–3 нояб. 2001 г.) / Под общ. ред. З.И. Резановой. Томск, 2002.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
3. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982–1988.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1994.
5. Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилёва) // Н.С. Гумилёв: pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост. Ю.В. Зобнин. СПб., 1995.
6. Карпенко С.М. Лексическая репрезентация концепта «путь» в творчестве Н. Гумилёва // Вест. Томского гос. пед. ун-та. 2004. Сер.: Гуманитарные науки (филология). Вып. 1 (38).
7. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
8. Болотнова Н.С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. ст. в честь проф. С.Г. Ильенко / РГПУ им. А.И. Герцена, филол. ф-т СПбГУ. СПб., 1998.
9. Гумилёв Н.С. Стихи; Проза. Иркутск, 1992.